

По словам самого Бэй Юя, он любил танцевать в одиночестве, не желая, чтобы его беспокоили. Мо Юньцин же, судя по всему, выразил недоумение: разве раньше вокруг него не собиралась толпа зрителей? Почему же теперь он не может смотреть? Но как только эти слова были произнесены, всё пошло наперекосяк. Лицо Бэй Юя сразу же омрачилось, и он резко ответил:

— Да, да, я всего лишь танцор из бара, и если господин Мо хочет посмотреть, найдётся множество людей, которые с радостью станцуют для вас. А я что?

После этого он весь день игнорировал Мо Юньцина.

Мо Юньцин был вынужден издать указ: когда этот маленький божок танцует, смотреть никто не может. Кто посмеет — тому выколуют глаза!

Вопрос о том, включал ли этот запрет его самого, оставался открытым.

С тех пор, как Бэй Юй поступил в школу, времени для встреч и близости с Мо Юньцином стало ещё меньше. Раньше, стоило ему оказаться дома, Мо Юньцин мог в любой момент подойти и обнять его, наслаждаясь его нежностью. Но теперь всё изменилось. Как только Мо Юньцин возвращался домой, дворецкий сообщал ему, что молодой господин Бэй Юй уже поужинал и ушёл повторять уроки. Честно говоря, каждый раз, видя, как тот усердно зубрит английский или читает учебники, Мо Юньцину хотелось вытащить его из-за стола, а все книги выбросить и сжечь.

Но, конечно, он не мог этого сделать. Ребёнок хочет учиться, поступить в университет — какие у него, взрослого, могут быть причины этому препятствовать?

Бэй Юй же внутренне торжествовал: как хорошо, что его перерождение произошло именно в это время. Если бы он встретил Мо Юньцина на несколько лет раньше или позже, кто знает, на какие подлости мог бы пойти этот зверь!

Однако, даже несмотря на его скромность, неприятности не заставили себя ждать. Через две недели его уже поджидали две девушки в школьном коридоре. Бэй Юй, с подёргивающимся уголком глаза, смотрел на покрасневшую девочку перед ним, едва сдерживая желание сбежать.

Лу Бэйюй в прошлой жизни был кумиром миллионов, обладая внешностью, харизмой и талантами. Даже в этой школе, где учились дети из богатых семей, было трудно остаться незамеченным, учитывая его притягательность. Уже в первый день после перевода его заметили одноклассницы.

Через пару дней о нём знали не только в соседних классах, но и во всём здании. Все говорили, что в таком-то классе появился загадочный новичок, который красивее, чем звёзды популярной группы, но при этом отличается холодным характером, не разговаривает с одноклассниками и к нему трудно подступить.

Бэй Юй думал, что его никто не замечает, но на самом деле люди просто боялись подойти.

Его холодность, конечно, была наигранной. Хотя внешне он выглядел на шестнадцать или семнадцать лет, по сути он был на несколько лет старше этих учеников. Да и в его время школа была совсем другой, и он не хотел общаться с детьми из богатых семей.

Поэтому, столкнувшись с такой ситуацией, он сначала растерялся.

Лу Бэйюй, который в прошлой жизни не раз становился объектом признаний, в этой жизни впервые оказался загнанным в угол двумя девочками, одна из которых была совсем юной!

Отказаться в таком признании для него не составило труда, но когда девочка с глазами, полными слёз, убежала, Бэй Юй спокойно развернулся и ушёл под взглядом её подруги, смотревшей на него как на предателя.

«Чёрт, меня ведь молнией ударит! Она же ещё несовершеннолетняя!»

Совершенно забыв, что сам он тоже был несовершеннолетним.

К вечеру Бэй Юй всё ещё чувствовал на себе взгляды соседей по парте и тех, кто сидел впереди и сзади. После урока он подошёл к учителю:

— Учитель, мне немного нехорошо, можно я пропущу один урок?

Обычно, если ученик просит отпустить, первая часть фразы звучит нормально, но вот использовать «пропустить урок» — это уже странно!

Однако учитель думал иначе. Ещё до того, как Лу Бэйюй пришёл в школу, директор лично предупредил, что этот ученик был отправлен в школу самим Мо Юньцином, главой семьи Мо, и что он — настоящий аристократ! Его нужно хорошо обслуживать! За две недели он вёл себя скромно, ничем не отличаясь от обычных учеников, и учился с большой ответственностью, каждый день приходил и уходил вовремя, не опаздывая и не уходя раньше, без намёка на чувство превосходства. Это был первый раз, когда он сам попросил пропустить... кхм, отпустить.

Итак, Бэй Юй покинул класс под почти трогательным взглядом учителя.

Следующие два урока показались ему скучными. Он сидел в библиотеке на стуле, держа в руках оригинальный английский роман, подперев щеку рукой, и смотрел на страницы, не отрываясь. Вдруг его телефон в кармане завибрировал. Бэй Юй, не глядя, ответил:

— Алло?

— Что делаешь?

Это был первый раз, когда Мо Юньцин звонил ему во время занятий. Лу Бэйюй нахмурился:

— На уроке.

Мо Юньцин сделал паузу, словно улыбнувшись:

— Почему так тихо?

...Ты же сам знаешь.

Очевидно, ни одно движение Бэй Юя в школе не ускользало от внимания Мо Юньцина. Но знать — это одно, а вот так явно это осознавать — совсем другое. Он сразу же почувствовал раздражение:

— Вы что, установили в школе камеры, чтобы следить за мной?

— Ты думаешь, я способен на такое?

Бэй Юй замялся, пробормотав:

— Откуда мне знать.

Всё равно это слезка, просто другим способом!

— Я слышал, тебе плохо, и ты пропустил урок? — Мо Юньцин говорил, как родитель, проверяющий успеваемость ребёнка. Его тон был спокойным, но в нём чувствовалось давление.

Мо Юньцину было всё равно, пропускал ли он уроки. Он звонил исключительно из заботы, внимания и тоски. Но он понимал, что Бэй Юй чувствует себя под наблюдением, лишённым свободы, даже в школе за ним следят, и, возможно, вернувшись домой, он устроит истерику.

Однако позволить Бэй Юю полностью свободно жить школьной жизнью было просто невозможно. Контроль этого мужчины был необычайно сильным, и он, вероятно, сам это осознавал, пытаясь изобразить доброго «хорошего родителя», что даже ему самому казалось лицемерием. Если бы не звонок, сообщивший о ситуации с Бэй Юем, это состояние могло бы продолжаться.

Согласившись, Мо Юньцин искренне надеялся, что ребёнок будет счастливо учиться, не испытывая давления.

— Да, я пропустил пару уроков. Что, вы хотите, чтобы директор меня отчитал? Или чтобы я стоял у доски в наказании? — лениво ответил Бэй Юй. — Я ведь честно попросил отпустить.

Мо Юньцин, услышав его тон, почувствовал зуд в сердце. Очевидно, вместо каких-то наказаний ему больше нравилось лично наказывать этого непослушного малыша.

— Ладно, мне нужно на встречу. Веди себя хорошо. Если в школе скучно, приходи домой пораньше, вечером я постараюсь вернуться пораньше, чтобы поужинать с тобой.

— Это я буду ужинать с тобой! — Бэй Юй подчеркнул.

Мо Юньцин рассмеялся:

— Тогда жди меня дома.

Закончив разговор, Бэй Юй ещё некоторое время слышал в ушах низкий смех мужчины. Он рассеянно смотрел на страницы книги, и только через некоторое время вдруг осознал: а не слишком ли он добр к этому человеку?

Эта мысль, появившись, не давала ему покоя. Бэй Юй опустил голову, чувствуя, как острая боль пронзает его сознание, и даже зрение стало затуманиваться.

Когда его привезли в дом Мо, он был полон негодования и даже хотел найти способ сделать жизнь Мо Юньцина менее комфортной!

Он не должен был забывать обиды прошлой жизни, даже если хотел. Но сейчас он не только долгое время провёл с Мо Юньцином, но и принял все его условия, включая проживание в доме Мо, учёбу в назначенной школе, совместные ужины и даже разрешил ему наблюдать за своим сном!

Он ведь... не хотел больше никаких связей с этим человеком!

Может, потому что в этой жизни Мо Юньцин был слишком добр к нему?

Но другой голос внутри него ясно говорил: даже если он добр к тебе, это не стирает того, что он сделал в прошлой жизни!

Капля холодного пота скатилась с гладкого лба юноши и упала на страницу. Бэй Юй, держась за голову, сжал кулак так сильно, что ногти побелели.

— Товарищ... Товарищ, с тобой всё в порядке?

Бэй Юй резко очнулся. Студент напротив него вздрогнул.

<http://bllate.org/book/16701/1534336>